

Леонов Е.В.

1986/6

15 МАИ 1986

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

РЕПОРТЕР • РЕЦЕНЗЕНТ • СОБЕСЕДНИК

Портрет Евгения Леонова

Выстрадавшая доброта

Мы долго договаривались о встрече. Леонов говорил, что «одна женщина» уже приходила, что-то пишет о нем. «Очень много меня будет». Потом все же условились: в Доме актера в два часа. «Где-то там у кабинета директора». Я сразу представила себе Леонова, сидящего в очереди на прием. К концу разговора, который состоялся в холле пятого этажа, Евгений Павлович смущенно сказал, что он и есть творческий директор Дома актера.

А в самом начале разговора мне стало ясно, что другие люди, особенно народные артисты СССР, так интервью не дают. Леонов пел, изображал то публику, то драматурга, то режиссера, то самого себя в разных ситуациях. И вдруг делался каким-то тревожным сомнением...

Леонов — актер потрясающе профессиональный. Одно удовольствие наблюдать за тем, как легко и чисто работает он во время съемок, на репетициях. Но не в этом разгадка его популярности и не в этом причина того, что в кино и театре у этого актера есть особое место, которое не может быть занято никем другим. Просто существует такой человек. Он смотрит на мир глазами мудреца и ребенка, и за уникальность природы наградила его неповторимым гололом актера. Дала возможность обращаться к душам напрямую.

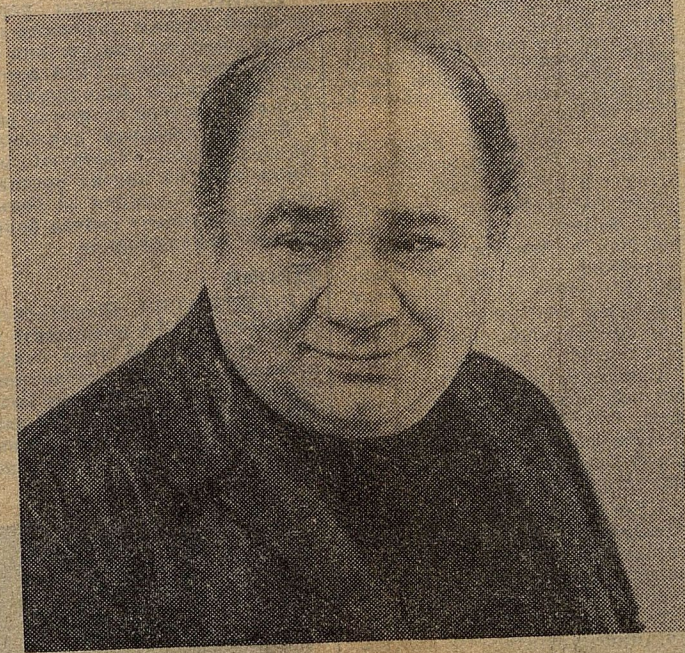
— Нет, я публикой не заласкан, — убежденно говорит Евгений Павлович. — Да это не так уж важно для меня. Правда, один раз на «Оптимистической трагедии», когда мы вышли на поклон, пожилой мужчина из зала позвал меня пальцем. Я подошел — он руку пожал. Понравилось ему, что ли...

Он живет нелегкой жизнью постоянно думающего человека. Человека требовательного, принципиального, последовательного. Он дважды переходил из одного театра в другой, и всякий раз это было непростое, со всех сторон обоснованное и выстраданное решение. Уходя из Театра им. Маяковского, даже заболел. И потом в санатории на прогулках все доказывал свою правоту. «Гончаров — мой учитель, — говорит Евгений Павлович о режиссере Театра им. Маяковского. — Это он учил меня выживать из-под себя стул, чтобы от штампов избавиться. Все через себя пропускать».

Люди большого таланта, видимо, сами выбирают для себя учителей и науку. Правда, для науки — «все пропускать через себя» — одного таланта мало. Требуется чуткая, ранняя душа, сердце, которое умеет болеть.

Почти в каждой работе Евгения Леонова рано или поздно возникает особый эмоциональный уровень: там рядом оказываются незащищенность и мужество, доверчивость и сила, смех и печаль. У зрителя остается впечатление, будто очень трогательный человек доверил что-то очень важное именно тебе. И как-то неохотно и в последнюю очередь вспоминаешь, что этим нашим озарениям в области человеческого духа, этим приливам ответных эмоций способствовал актерский профессионализм.

Спектакль «Вор» идет на сцене Театра имени Ленинского комсомола семь лет. За это время изменился и сам спектакль, и исполнитель главной роли — Отца — Евгений Леонов. Он стал проще, доступнее, откровеннее — и в результате сложнее. Невозможно даже сопоставить уютный мир прелестного, забавного крестьянина,

которому так хорошо в своей избушке со своими детьми, с огромностью того горя, которое судьба на него обрушит. Эта беспомощная жертва войны становится ее победителем в нашем сознании. Выше человеческих сил примириться с тем, что война разрушает закон справедливого возмездия, что за грехи преступников отвечают святые.

Леонов — Отец — такой смешной сначала в своих попытках воспитывать старших сыновей, в стремлении доказать, что он в доме хозяин. Он такой трогательный в неодолимом нежности к младшему сыну. Он отец. Его жизнь так полна смысла и любви. И вдруг — все обрывается. Смысл и любовь — это мертвое полудетское тело на столе. Кажется, никогда Леонов не играл так скупой и

сдержанно, как играет сейчас в финале «Вора». Этот человек, который механически, тяжело и скованно передвигается по сцене, только что был таким жизнеспособным, шумным, подвижным. В нем было столько света и тепла. Сейчас в нем и вокруг — зона пустоты и холода. Он раздавлен, казнен, приговорен к физическому существованию после того, как руки его надели смертные одежды на любимое дитя.

Трагедия. Наверное, самым неверным было традиционное деление актеров на комиков и трагиков. Точнее, оно могло быть верным лишь на определенном уровне — на уровне ремесла. А на вершине настоящего мастерства и настоящего вдохновения открывается связь человеческих эмоций и возможность власти над ними.

Леонову такая власть, несомненно, дана. Мне иногда кажется, что этот большой трагический актер свою власть сознательно сдерживает то ли по причине человеческой деликатности, то ли потому, что быть слишком трагичным — смешно. А может быть, просто безусловно трагической роли у него еще не было. Ведь он еще не сыграл короля Лира, о котором давно думает.

Зато чеховского Иванова он в театре играет. И многих критиков ставит в тупик. Отсутствие позы, картинности — это, конечно, хорошо, но чтобы до такой степени... Все же почти герой-любовник, жених, две женщины его мучительно любят, все соседи о нем сплетничают... Да в том-то и беда Иванова — Леонова: он не может простить себе невольного авторства создавшейся ситуации. Он добрый и честный человек, который оказался в условиях, когда эти качества несовместимы. Он храбро и покорно идет навстречу оскорблениям и ненависти в последней маленькой надежде, что боль от внешних ударов заглушит его внутреннюю боль. Актер как будто пытается чуть-чуть приглушить страдания своего героя, спрятать их от слишком любопытных глаз. И поэтому его Иванов так трагичен. Это сдача сильный человек, который сопротивлялся отчаянию так долго, как только мог...

Вообще для тех, кто знает Леонова лишь по яркой и веселой галерее образов в кинокомедиях, в театре он может открыться с совершенно неожиданной стороны. Он занят в немногих спектаклях. Но даже в «Диктатуре совести», где у него совсем маленькая роль, Леонов, как говорится, «держит» внимание зрителей. Ни одно его движение, ни одно слово не остаются незамечен-

ными. В театре особенно четко просматриваются масштабы актерской личности. Театральный актер в своем прямом диалоге со зрителем рассказывает о себе очень многое. Например, умеет ли он тогда, когда занавес опускается и не нужно быть умным по роли. Есть ли в нем своя, не заданная драматургом глубина. Способен ли он на решение, когда рядом нет режиссера. Трудно перечислить все те признаки, по которым можно прийти к выводам о человеке, чья профессия — актер, но они есть. И именно в театре понятно, что Леонов — личность сильная, крупная, неоднозначная.

Как интересен его Вожак в «Оптимистической трагедии»! Точно, тонко, уверенно раскрывает актер механизм власти, основанной на гипнозе обаяния. Все внешние и, казалось бы, безусловные признаки доброты, добродушия, мягкости характера становятся оружием цинизма, жестокости, коварства. Вожак — Леонов — спокойно, с юмором, без лишних усилий одерживает свои страшные победы над людьми, которых презирает. У него хватит ума и воли сохранить достоинство в поражении.

Может быть, это странно, но мы верим Леонову и тогда, когда он — Вожак, и тогда, когда он — Винни-Пух. Он, один из самых искренних актеров, воспитал своего зрителя. Мы поверили в то, что встретились с мудрым рассказчиком, который знает очень многое о нашем сложном, непостоянном, разном человеческом семействе. Мы поверили в то, что ему известны точные пропорции нашей слабости и нашей силы, радости и печали, тревоги и надежды. Нам это нужно.

Наталья РАДЬКО.